

АВТ
1752

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

ПОЛОСКОВ Петр Владимирович

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Специальность 12.00.09 — Уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

МОСКВА — 1985

В 01002083

Национальний юридичний університет
імені Ярослава Мудрого
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Інв. № **22699А**

Работа выполнена в секторе теоретических проблем правосудия
Института государства и права АН СССР.

Научный руководитель:

доктор юридических наук **Петрухин И. Л.**

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук **Даев В. Г.**,

кандидат юридических наук, доцент **Куцова Э. Ф.**

Ведущее учреждение — Харьковский юридический институт.

Защита состоится « **4** » июня 1985 г. в « » часов на заседа-
нии Специализированного совета Д.002.09.01 по защите диссертаций при
Институте государства и права АН СССР (119841, Москва, ул. Фрун-
зе, 10).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института госу-
дарства и права АН СССР.

Автореферат разослан « **25** » *июня* . . . 1985 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат юридических наук

Кригер Г. Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза перед органами юстиции, судами, прокуратурой и милиции поставлены ответственные задачи по борьбе с преступностью и укреплению социалистической законности¹.

В решении этих задач важная роль отводится субъектам уголовного процесса: государственным органам, должностным лицам, общественным организациям и их представителям, а также гражданам. Важнейшими социально-правовыми характеристиками уголовного процесса являются их правоспособность и дееспособность.

Уголовно-процессуальная правоспособность и дееспособность являются существенным элементом механизма уголовно-процессуального регулирования. Они служат реализации правового статуса субъектов уголовного судопроизводства. Научная разработка и всестороннее раскрытие категорий правоспособности и дееспособности позволяет определять, кто, когда и при каких условиях может стать участником процесса.

Категории правоспособности и дееспособности позволяют лучше понять механизм правового регулирования в уголовном судопроизводстве, роль и место субъектов уголовно-процессуальных отношений, складывающихся при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Научная новизна диссертации. В настоящее время в юридической литературе нет работ, специально посвященных изучению проблемы правоспособности и дееспособности в советском уголовном процессе. Имеются лишь отдельные статьи и монографии, в которых некоторые аспекты этой проблемы рассмотрены в связи с освещением иных во-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1981, с.65.

просов уголовного судопроизводства (М.С.Строгович, В.М.Савицкий, И.Л.Петрухин, Л.Д.Кокорев, Л.Б.Зусь, В.Н.Шпилев, П.С.Элькинд и другие). В результате эта проблема оказалась как бы искусственно расчлененной, "рассеянной" по разным темам. Поэтому актуальной стала задача синтетического характера, состоящая в необходимости охватить проблему в целом. В настоящей работе впервые исследуется весь комплекс вопросов, относящихся к правоспособности и дееспособности в советском уголовном процессе (понятие, структура, общая и специальная право- и дееспособность, правосубъектность, юридические факты правосубъектности, юридическая дееспособность и фактическая способность осуществлять права и обязанности, правосубъектность различных участников процесса).

Правосубъектность рассмотрена как предпосылка возникновения уголовно-процессуальных отношений. Структура уголовно-процессуальной правосубъектности представлена как соотношение и взаимодействие правоспособности и дееспособности.

Цель диссертации состоит в теоретическом обосновании институтов правоспособности и дееспособности в советском уголовном процессе. В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи: 1) определить структуру и содержание институтов правоспособности и дееспособности, сконструировать категорию правосубъектности в советском уголовном процессе и дать ее научное понятие; 2) показать соотношение, роль и место указанных научных и правовых категорий в механизме уголовно-процессуального регулирования; 3) выяснить действие названных категорий применительно к государственным органам, должностным лицам и гражданам, участвующим в уголовном процессе.

Основное внимание автор старался уделить малоисследованным и дискуссионным вопросам. Конечная цель диссертационного исследования - дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального

законодательства и практики его применения.

Методы исследования. Методологической основой исследования послужила диалектико-материалистическая теория познания. В работе использованы частные методы исследования: логико-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системно-структурный, конкретно-социологический, статистический. При написании диссертации автор исходил из марксистско-ленинского учения о государстве и праве, решений Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства по вопросам укрепления социалистической законности. Использовались общесоюзное и республиканское законодательство, уголовно-процессуальное законодательство европейских социалистических государств, советская и дореволюционная юридическая литература по теории государства и права, государствоведению, административному, трудовому, уголовному праву, уголовному процессу, прокурорскому надзору, судоустройству, отдельные литературные источники по психиатрии, психологии и педагогике, а также материалы следственной и судебной практики. По специально разработанным анкетам в судах было изучено 241 уголовное дело. Результаты изучения нашли отражение в диссертации.

Практическое значение диссертации заключается в том, что, во-первых, результаты исследования могут иметь определенную ценность для дальнейшего развития теории правового положения личности в советском уголовном процессе; во-вторых, они могут быть использованы для совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства; в-третьих, отдельные положения работы могут привлекаться для чтения специальных курсов в высших юридических учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения диссертации изложены в опубликованных автором статьях. По материалам диссертации автор выступил с докладами на заседа-

нии сектора теоретических проблем правосудия Института государства и права АН СССР и на сборах следователей.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе "Общая характеристика института правоспособности и дееспособности в советском уголовном процессе" излагаются понятие, сущность, назначение категорий правоспособности, дееспособности и правосубъектности в советском уголовном процессе. Здесь же выясняется соотношение данных категорий с правовым статусом участников уголовного процесса и критически рассматриваются точки зрения различных авторов по этим вопросам.

В диссертации подчеркивается, что, приступая к уголовно-процессуальному регулированию, государство определяет круг субъектов будущей уголовно-процессуальной деятельности, способных иметь уголовно-процессуальные права и нести обязанности. Таким образом, субъекты уголовного процесса наделяются правоспособностью.

Уголовно-процессуальная правоспособность — это установленная нормами уголовно-процессуального права способность лица (органа) иметь права и нести обязанности в уголовном процессе.

По мнению диссертанта, категорию уголовно-процессуальной правоспособности определяют наиболее общие нормы, посредством которых индивид или орган государства признаются субъектами уголовно-процессуального права. К таким нормам относятся: 1) нормы, дающие основание юридически закрепить образование государственного органа, общественной организации как субъектов уголовно-процессуального права; 2) нормы, регулирующие институт гражданства, а также правовое положение иностранцев и лиц без гражданства в связи с участием их в уголовном процессе; 3) нормы, служащие

основанием для вовлечения лица в конкретные уголовно-процессуальные правоотношения.

На основе Закона СССР 1981 г. "О правовом положении иностранцев" и международных договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам диссертантом исследуется уголовно-процессуальная правоспособность иностранцев и лиц без гражданства. В Законе и договорах не содержится никаких ограничений процессуальных прав иностранцев и не допускаются для них какие-либо изъятия из законов СССР. Вместе с тем на иностранных граждан (лиц без гражданства), не пользующихся дипломатическим иммунитетом, могут быть возложены соответствующие процессуальные обязанности. Судебный иммунитет глав и сотрудников иностранных дипломатических и консульских представительств заключается в том, что они подлежат юрисдикции советских судов по уголовным делам лишь в границах, определяемых нормами международного права или соглашениями с соответствующими государствами. Дипломатические сотрудники могут быть вовлечены в уголовный процесс лицами, ответственными за ведение уголовного дела, лишь при наличии их согласия (ст. 33 УПК РСФСР).

Правоспособность как важное звено в системе правового регулирования существует до возникновения правоотношений, является их предпосылкой. Законодатель путем конструирования в праве категории правоспособности решает вопрос: при каких условиях лицо может в будущем иметь права и нести обязанности участника процесса. Конкретные же права и обязанности, составляющие правовой статус субъекта уголовного процесса, реализуются в правоотношениях.

В диссертации обосновывается мнение, что средством перевода правового статуса участников процесса в конкретные права и обязанности служат юридические факты, при помощи которых возникает процессуальные отношения. Опираясь на общее учение о юридических

фактах, диссертант предлагает ввести в научный оборот новое понятие - "юридические факты, порождающие (устраняющие) правоспособность". С их помощью осуществляется перевод общей правоспособности в специальную. Для различных субъектов уголовно-процессуального права они различны.

Имея в виду два больших круга субъектов уголовно-процессуального права - органы, ответственные за уголовное дело, и организации, их представители, граждане, вовлекаемые в процесс, - автор формулирует и две группы юридических фактов специальной правоспособности.

В отношении государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, это: 1) создание в установленном порядке государственного органа; 2) назначения или избрание лица на должность; 3) принятие дела к производству; 4) наличие отдельного поручения о проведении следственных действий.

В отношении организаций, их представителей и граждан, вовлекаемых в процесс решением органов, ответственных за уголовное дело, это: 1) признание лица потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком, допуск их представителей, привлечение лица в качестве обвиняемого, задержание подозреваемого; 2) постановление (определение) о проведении экспертизы; 3) вызов для производства следственного или судебного действия к компетентному должностному лицу или в государственный орган.

С точки зрения диссертанта, правоспособность в уголовном процессе не может быть определена как совокупность субъективных уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Эти права и обязанности не входят в содержание понятия правоспособности. Субъективные права определяют вид и меру возможного поведения в процессе, указывают на возможность пользования предоставленными субъекту социальными благами. Субъективные обязанности - это установленная в нормах права необходимость, предписывающая каждому субъек-

ту вид и меру должного поведения. В отличие от субъективных прав и обязанностей, правоспособность в процессе не выражает вид и меру поведения. Сущность этой категории заключается не в праве и не в обязанности, а в закрепленной в нормах права способности быть участником процесса. Именно способность субъекта уголовно-процессуального права к правообладанию выражает социальный смысл данной категории. Основания возникновения, существования и прекращения субъективных прав (обязанностей) и правоспособности различны.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве понятие правоспособности не сформулировано. Автор вносит предложение включить в УПК союзных республик статью об уголовно-процессуальной правоспособности в следующей редакции: "Граждане СССР независимо от их социального, имущественного и служебного положения, пола, национальности и расовой принадлежности, вероисповедания, а также учреждения, предприятия, организации, являющиеся юридическими лицами, на основании постановления органа дознания, следователя, прокурора или определения суда признаются способными иметь уголовно-процессуальные права и обязанности".

Обращаясь к анализу дееспособности, автор подчеркивает, что существование ее в уголовном процессе обусловлено тем, что государство, наделяя соответствующих лиц процессуальными правами и возлагая на них обязанности, заинтересовано в активной реализации их самими субъектами уголовно-процессуального права. Не менее заинтересованы в этом и сами субъекты. Субъект уголовно-процессуального права, который не способен сам осуществлять свои права и обязанности, фактически не участвует в процессе (он нуждается в представителе).

По мнению автора, уголовно-процессуальная дееспособность — это признанная уголовно-процессуальным правом психическая и физи-

ческая способность лица к самостоятельному совершению процессуальных действий или участию в них, т.е. сознательному использованию своих уголовно-процессуальных прав и выполнению процессуальных обязанностей.

Условия осуществления прав и обязанностей лично участниками процесса: 1) возраст субъекта; 2) нормальное состояние его психики; 3) достаточное физическое здоровье субъекта. В диссертации рассмотрены эти условия.

Признание лица дееспособным по возрастному критерию зависит от той закрепленной в нормах права роли, которую оно выполняет в уголовном процессе. Для разных участников процесса этот критерий различен. Так, обвиняемым, по общему правилу, признается лицо, достигшее 16 лет; судьями могут быть лица, которым исполнилось 25 лет.

Закрепляя ту или иную возрастную "шкалу", законодатель исходит из презумпции, что именно в этом возрасте человек способен верно ориентироваться в общественной жизни, правильно выбирать социальные ценности, способен по своему интеллекту к выполнению той роли, которую ему надлежит осуществлять в качестве определенного участника процесса.

Второе условие дееспособности - нормальное состояние психики субъекта процесса. Лицо с дефектами психики, аномалиями умственной деятельности не может надлежащим образом выполнять возложенные на него процессуальные задачи. Психические недостатки ослабляют, снижают познавательные способности либо влекут паталогические изменения в эмоционально-волевой сфере, поэтому они мешают субъекту процесса активно участвовать в процессуальной деятельности, самостоятельно осуществлять свои права и нести обязанности, а также защищать свои законные интересы.

Под физическими недостатками, затрудняющими самостоятельное

осуществление участником процесса своих прав и выполнение им обязанностей, диссертант понимает полную или частичную утрату зрения, слуха, речи, вследствие чего у лица отсутствует или ослаблена способность правильно и полно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для защиты его интересов, воспроизводить воспринятое, самостоятельно отстаивать свои интересы на следствии и в суде.

В работе различается формально-правовая дееспособность и фактическая способность к реализации прав и обязанностей в процессе. Все лица, достигшие 18 лет и не страдающие психическими и физическими заболеваниями, согласно советскому уголовно-процессуальному законодательству могут самостоятельно осуществлять свой уголовно-процессуальный статус. Но в уголовном процессе могут принимать участие лица, плохо знающие язык, на котором ведется судопроизводство, лица, достигшие преклонного возраста, и др. Хотя они и признаются формально дееспособными в уголовном деле, но фактически не могут полностью и достаточно эффективно реализовать свои права. Отсюда - необходимость введения для этих лиц дополнительных процессуальных гарантий.

Автор предлагает сформулировать понятие уголовно-процессуальной дееспособности в законе следующим образом: "Уголовно-процессуальной дееспособностью следует считать способность участника уголовного судопроизводства лично осуществлять свои права и нести обязанности по уголовному делу или доверить это представителю."

Она принадлежит гражданам, достигшим совершеннолетия, а также органам и лицам, ответственным за расследование и разрешение дела. Несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, а также лица, страдающие физическими и психическими недостатками, осуществляют свои права и выполняют обязанности по уголовному делу с учас-

тием защитников и законных представителей. Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет по мотивированному постановлению (определению) лиц и органов, ответственных за ведение уголовного дела, могут осуществлять свои уголовно-процессуальные права самостоятельно".

В уголовном процессе правоспособность и дееспособность - две категории, которые тесно переплетаются, образуя единое понятие "правосубъектности".

Говоря о правоспособности, уголовно-процессуальный закон расставляет акценты на правовых возможностях лица в процессе, тогда как дееспособность характеризует его психо-физические возможности. Правовые и психо-физические (личностные) качества субъектов уголовно-процессуального права, по мнению автора, находят свое выражение в категории правосубъектности.

В диссертации обосновывается мнение, что должностные лица и органы, ответственные за разрешение уголовного дела, руководствуются презумпцией, согласно которой участники процесса правосубъектны. Но эта презумпция опровержима, так как возможно доказывание неправосубъектности отдельных участников процесса, если на этот счет возникли сомнения.

У отдельных участников процесса правоспособность четко отделяется от дееспособности. Это относится только к физическим лицам - гражданам. Государственный орган и общественная организация всегда как правоспособны, так и дееспособны, т.е. правосубъектны со времени создания органа (организации).

Иногда в процесс по конкретному делу ошибочно вовлекаются лица, заинтересованные в исходе дела или принимавшие ранее участие в нем в ином качестве. Автор подчеркивает, что отводы выступают как способ замены неправосубъектного лица. Обращается внимание на то, что закон, называя те или иные условия отвода участ-

ников процесса, лишает этих лиц специальной процессуальной правосубъектности, т.е. правосубъектности по данному конкретному уголовному делу. Однако они сохраняют общую процессуальную правосубъектность, то есть могут участвовать в других делах.

Во второй главе "Правосубъектность должностных лиц и органов, ответственных за расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела" рассматриваются теоретические вопросы правосубъектности органов государства, ведущих уголовный процесс.

Правосубъектность органов дознания связана в диссертации с наличием ряда юридических предпосылок: а) указанием в законе на возможность проведения дознания данным органом государства; б) надлежащим юридическим оформлением такого органа и назначением на должность его руководителя; в) подследственностью. Правосубъектность органов дознания автор разделил на универсальную (органы милиции, командиры воинских частей, начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых профилакториев, воспитательско-трудовых профилакториев, капитаны морских судов, начальники геологических партий) и специальную (органы государственной безопасности, пограничной охраны, государственного пожарного надзора). Правосубъектность органов дознания строго очерчена кругом тех уголовных дел, которые отнесены законом к их компетенции.

В диссертации подвергнуты анализу общие юридические условия правосубъектности лица, производящего дознание (в дальнейшем сокращенно — дознавателя): а) принадлежность сотрудника органа дознания к гражданству СССР; б) нахождение его на государственной службе в соответствующем органе государственного управления; в) назначение в установленном порядке дознавателем.

В диссертации анализируются юридические факты, порождающие специальную (по конкретному делу) правосубъектность органа до-

знания и дознавателя: а) возбуждение уголовного дела; б) получение возбужденного уголовного дела от другого органа; в) выполнение отдельного поручения.

Компетенция руководителя органа дознания и дознавателя не вполне совпадают. В диссертации проанализированы правомочия прерогативного характера, вытекающие из правосубъектности руководителя органа дознания (возбуждение уголовного дела, утверждение протокола задержания подозреваемого, приостановление и возобновление дознания, утверждение обвинительного заключения или постановления о прекращении дела). Автор вносит предложение: все прерогативы руководителя органа дознания (по отношению к дознавателем) четко сформулировать в УПК союзных республик и ведомственных инструкциях, регламентирующих порядок дознания. В то же время диссертант приводит доводы в пользу независимости дознавателя от руководителя органа дознания при решении по внутреннему убеждению наиболее важных процессуальных вопросов. В этом отношении дознаватель должен быть поставлен в то же положение, что и следователь (ст. 127 УПК РСФСР).

В диссертации отстаивается следующая теоретическая позиция: указанный в законе перечень органов дознания является исчерпывающим, никакой другой государственный орган не обладает правосубъектностью органа дознания. Признание этого положения направлено на соблюдение режима законности и связано с экономией мер процессуального принуждения.

В диссертации обосновывается предложение о том, чтобы правосубъектностью дознавателя пользовались только те работники милиции (инспекторы уголовного розыска, БХСС, ГАИ, госпонадзора и др.), которым доверена функция дознания приказом начальника РОВД.

С целью более тщательной правовой регламентации уголовно-

процессуальной правосубъектности органов дознания и дознавателей предлагается разработать в соответствующих министерствах и ведомствах инструкции органам дознания (по согласованию с Генеральным прокурором СССР). В предлагаемых инструкциях, по мнению диссертанта, необходимо предусмотреть обязательность издания руководителем органа дознания приказа о назначении определенного сотрудника в качестве дознавателя, допустим, на 2 года.

Условиями общей правосубъектности следователя, по мнению автора, являются: 1) гражданство СССР; 2) назначение на должность следователя в установленном порядке с учетом его моральных, политических и деловых качеств. В диссертации рассмотрены эти условия.

В диссертации обращено внимание на то, что пока еще нет единого порядка назначения следователей на должность. Представляется, что действующий порядок назначения на должность следственных работников не совсем отвечает правилам их уголовно-процессуальной правосубъектности. Было бы правильным назначать следователей прокуратуры вышестоящим прокурором (кроме следователей при Генеральном прокуроре СССР) по отношению к тому, при котором они состоят. Это создавало бы дополнительные гарантии их процессуальной самостоятельности. Назначение следователей прокурором, при котором они состоят, создает опасность того, что в случае разногласий по процессуальным вопросам (ч.2 ст.127 УПК РСФСР) следователь не воспользуется своим правом представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений.

Может показаться, что на первоначальном этапе расследования следователь не вправе проводить следственные действия, если он неправосубъектен. Однако такой вывод был бы слишком категоричным. Неправосубъектный следователь, если его нечем заменить, должен выполнить первоначальные следственные действия, а затем передать

дело по подследственности.

Презумпция правосубъектности следователя создает уверенность у граждан и государственных органов, что он право- и дееспособен. Эта презумпция вносит стабильность в процесс уголовно-процессуального регулирования, однако она является опровержимой.

Вместе с тем, подчеркивается основное: в принципе следователь правосубъектен только по подследственному ему делу. По общему правилу, доказательства, собранные неправосубъектным следователем, считаются недопустимыми.

Дееспособность следователя рассмотрена не только с формально-правовых, но и с социологических позиций. Высокая служебная нагрузка следователей, отсутствие у молодых следователей должных навыков, изъяны юридического образования, незнание или слабое знание следователем языка судопроизводства и т.п. - все это снижает уровень фактической способности следователя своими действиями осуществлять права и обязанности. В указанных случаях мы сталкиваемся с фактическим снижением уровня дееспособности в социологическом смысле. То же самое можно сказать о прокуроре, судье, народных заседателях.

В диссертации рассмотрены условия правосубъектности прокурора в уголовном процессе (принадлежность к гражданству СССР; достижение определенного возраста; наличие высшего юридического образования, а также необходимых моральных, деловых и политических качеств; назначение на должность в установленном порядке).

Закон (ст. 167 Конституции СССР) говорит о пятилетнем сроке полномочий только Генерального прокурора СССР, прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей, городов, автономных областей, автономных округов, районов, военных и транспортных прокуроров. Что касается заместителей и помощников прокуроров,

то срок их полномочий законом не определен, что, по мнению автора, является неверным. Автор предлагает помощников и заместителей прокуроров назначать на 5-летний срок (как и прокуроров, возглавляющих соответствующие прокуратуры).

По общему правилу, прокурор может надзирать за законностью лишь по поднадзорному ему делу (где он имеет специальную правосубъектность). Но из этого правила закон, на взгляд диссертанта, допускает некоторые разумные исключения. Речь идет о получении санкций на производство некоторых следственных действий (обыск, арест и др.). На практике могут сложиться (и нередко складываются) такие ситуации: следователь проводит следственные действия на территории иного района (города); следователь военной прокуратуры выполняет следственные действия на значительном удалении от места нахождения военного прокурора; мера пресечения - заключение под стражу - применяется в отношении военнослужащего, совершившего преступление до призыва на военную службу. В этих случаях следователь практически лишен возможности своевременно связаться с прокурором, осуществляющим надзор за следствием, и получить у него санкцию на производство следственного действия. В таких случаях прокурор, осуществляющий надзор за дознанием и следствием на определенной территории, по мнению автора, вправе дать санкцию на проведение следственного действия по делу, по которому он не обладает специальной правосубъектностью. Это не лишает доказательственной силы фактические данные, установленные путем проведения таких следственных действий.

В диссертации рассмотрены некоторые вопросы правосубъектности военного прокурора. В соответствии с п.4 ст.32 Положения о военной прокуратуре в случае совершения преступления рабочими и служащими Вооруженных Сил СССР в связи с исполнением ими служебных обязанностей или в расположении воинской части, учрежде-

ния, военно-учебного заведения, предприятия или организации Вооруженных Сил СССР, уголовное дело подсудственно следователю военной прокуратуры. Закончив предварительное следствие, следователь военной прокуратуры передает уголовное дело военному прокурору, осуществляющему надзор за следствием, который направляет его в народный суд.

Возникает вопрос, какой прокурор должен участвовать в судебном заседании: военный прокурор, утвердивший обвинительное заключение и направивший уголовное дело в общий суд, или территориальный прокурор, осуществляющий надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в данном общем суде?

В диссертации подчеркивается, что эти вопросы нечетко решены в законодательстве. Положение о военной прокуратуре предусматривает участие военных прокуроров в заседаниях военных трибуналов (ст.ст.26-29) и ничего не говорит об их выступлениях в общих судах. Каких-либо разъяснений по линии Прокуратуры СССР и Главной военной прокуратуры на этот счет не издано. Но на практике в большинстве случаев государственное обвинение в общих судах по делам рабочих и служащих Вооруженных Сил поддерживает военные прокуроры. Они же приносят кассационные протесты по этим делам. Но областной (краевой) прокурор вправе снять с рассмотрения такой протест или не поддержать его, давая заключение в областном (краевом) суде. Для принесения протеста в порядке надзора военный прокурор входит с представлением к областному (краевому) прокурору. Такое "переплетение" правосубъектности военного и территориального прокуроров создает затруднения в работе.

Аналогично обстоит дело со специальной правосубъектностью территориального прокурора, утвердившего обвинительное заключение следователя территориальной прокуратуры, который расследовал уголовное дело о преступлении против установленного порядка не-

сения службы лицом начальствующего состава исправительно-трудового учреждения. По закону эти дела подсудны военным трибуналам (п.3 ст. II Положения о военных трибуналах). Но государственное обвинение по таким делам поддерживают территориальные прокуроры; они же при необходимости приносят кассационные протесты. Однако соответствующий военный прокурор будет осуществлять надзор за рассмотрением такого дела в вышестоящем военном трибунале. Если необходимо принести протест в порядке надзора, то территориальный прокурор входит с представлением к военному прокурору округа.

Для устранения возникающих на практике недоразумений, на взгляд диссертанта, было бы целесообразно изменить законодательство, отнеся к подсудности военных трибуналов дела о преступлениях, совершенных рабочими и служащими Вооруженных Сил СССР в связи с исполнением служебных обязанностей или в расположении воинских частей, а к подсудности следователей военной прокуратуры - дела о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных лицами начальствующего состава ИТУ.

Теоретическое решение поставленных вопросов правосубъектности связывается с определением функций прокурора, выполняемых в суде. Утверждение прокурором обвинительного заключения - начало осуществления им функции обвинения. Логично полагать, что именно этот (в данном случае военный) прокурор или его заместитель, помощник будет и далее осуществлять функцию обвинения в распорядительном заседании, а затем поддерживать обвинение в суде первой инстанции и, наконец, опротестовывать приговор в кассационном порядке, если для этого имеются основания.

Рассматривая правосубъектность состава суда, автор диссертации изучает ее предпосылки: принадлежность судей^I к гражданам СССР; достижение судьями определенного возраста; избрание судьи в

^I Имеются в виду и народные заседатели.

установленном порядке; принятие дела судом к производству; подсудность дела данному суду.

В диссертации подвергнут изучению вопрос о правосубъектности иностранных судов, выполняющих процессуальные поручения советских судебных органов, и о признании допустимыми собранных ими доказательств.

Советское уголовно-процессуальное законодательство признает правосубъектность иностранных судов, выполняющих отдельные поручения компетентных органов советского государства. Эта правосубъектность, по мнению автора, носит договорный характер, она делегирована иностранным органам советскими судами, ведущими уголовный процесс.

Исходя из роли и места суда в уголовном судопроизводстве, задач, решаемых этим органом, необходимо, чтобы кандидаты на должность судьи имели высшее юридическое образование и опыт работы по специальности. Автор предлагает закрепить правило об обязательном годичном стаже работы по юридической специальности как условия избрания на должность. Необходимо, чтобы судья, рекомендованный в вышестоящий суд, имел определенный стаж работы в качестве судьи нижестоящего суда.

В связи с тем, что народные заседатели народных судов избираются коллективами предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, возникает вопрос: с какого времени считать лицо правомочным участвовать в осуществлении правосудия?

По мнению диссертанта, сложным юридическим фактом, порождающим общую правоспособность народных заседателей в уголовном процессе, являются два условия: а) избрание трудовым коллективом и б) утверждение протокола выборов исполнительным комитетом. Лишь совокупность этих двух условий имеет юридически значимый характер для возникновения в будущем правомочий народного заседателя на

рассмотрение уголовных дел, т.е. вызывает появление у лица общей уголовно-процессуальной правоспособности.

Заслуживает внимания предложение отдельные кривостов о разработке определенного нормативного акта (Положения и т.п.), регламентирующего порядок выборов народных заседателей. В настоящее время такие правила процедурного характера в действующем законодательстве выражены недостаточно. В работе анализируются случаи, когда вопреки требованиям закона не соблюдается обязательный порядок очередности при вызове народных заседателей для рассмотрения уголовных дел. Автор предлагает составлять график работы народных заседателей в суде, который должен утверждаться начальником отдела юстиции облисполкома (ему равным и выше). При этом в графике необходимо указывать большее число народных заседателей, чем требуется, для того, чтобы в случае болезни, командировки, отпуска народного заседателя можно было бы заменить его.

В третьей главе диссертации "Правосубъектность участников уголовного процесса" рассмотрена правосубъектность физических лиц - граждан, привлекаемых к участию в уголовном процессе в том или ином качестве на основании постановления (определения) органа или лица, ответственного за дело.

Закон четко не формулирует условия правосубъектности обвиняемого. Тем более необходима теоретическая разработка этого института. По мнению автора, обвиняемый всегда правоспособен как в уголовно-правовом, так и в процессуальном смысле слова, если он вменяем и достиг возраста уголовной ответственности. В формально-правовом отношении всякий обвиняемый признается способным своими действиями осуществлять права и выполнять обязанности. Участие в деле защитника, в том числе в случае обязательной защиты, не лишает обвиняемого дееспособности: он сохраняет право реализовать свои полномочия самостоятельно. Однако установление законом

оснований обязательной защиты, включая защиту, осуществляемую вопреки желанию обвиняемого (ст.ст.49-50 УПК РФСР), свидетельствует о том, что законодатель в этих случаях учитывает фактическую недостаточную способность обвиняемого защищать себя самостоятельно.

К условиям правоспособности обвиняемого, подвергнутому рассмотрению в диссертации, отнесены: а) наличие достаточных данных о том, что оно совершило преступление; б) привлечение лица в качестве обвиняемого.

Если дело возбуждено судом в отношении нового лица, то оно приобретает правоспособность обвиняемого лишь после привлечения его в качестве обвиняемого следователем.

В диссертации рассмотрены условия, влияющие на фактическую способность обвиняемого осуществлять свой процессуальный статус: 1) физическое здоровье; 2) психическое здоровье; 3) возраст обвиняемого (ст.ст.47 и 49 УПК РФСР). К физическим и психическим недостаткам, затрудняющим обвиняемому самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, автор отнес врожденные или приобретенные дефекты, которые мешают обвиняемому правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и следить за тем, что происходит на следствии и в суде; пользоваться разговорной речью, излагать свои показания, заявлять ходатайства, представлять доказательства, задавать вопросы, участвовать в судебном следствии и прениях сторон.

При рассмотрении дела в суде эти лица могут в зависимости от состояния здоровья признаваться процессуально недееспособными (в этом случае они в суд не вызываются и обвиняемыми не являются), ограниченно дееспособными и полностью дееспособными.

В работе обосновывается мнение, что лица, совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или заболевшие после совершения преступления душевной болезнью, лишавшей их воз-

возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, — самостоятельные, особые субъекты процесса. Они не должны привлекаться в качестве обвиняемых.

В работе подчеркивается: если будет установлено до привлечения лица в качестве обвиняемого, что оно совершило общественно-опасное деяние в состоянии невменяемости, но ко времени производства по делу выздоровело, то специальной дееспособностью обвиняемого такие лица не должны обладать. Дело в том, что эти лица преступления не совершали, в их деянии состав преступления отсутствует, поэтому дело должно быть прекращено, если не требуется принудительного лечения. До прекращения дела эти лица могут быть допущены к участию в производстве следственных и судебных действий, но обвиняемыми они не являются, т.к. в отношении них не вынесено постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Следовательно, специальной уголовно-процессуальной правосубъектностью обвиняемого такие лица не обладают. Но они обладают дееспособностью вышеупомянутых участников процесса, статус которых законом еще не определен.

В диссертации отстаивается мнение, что для признания правоспособности подозреваемого необходимо: а) обоснованное предположение должностных лиц, ведущих процесс, о причастности подозреваемого к совершению преступления; б) задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, или избрание в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения.

В диссертации рассмотрена проблема правосубъектности потерпевшего. Правоспособность и дееспособность потерпевшего, как правило, разьединены и четко выделяются в виде структурных элементов правосубъектности. Трудность состоит в том, что в законодательстве не формулируются условия и не установлен порядок признания потерпевшего недееспособным или ограниченно дееспособным.

К условиям правоспособности потерпевшего, которые анализируются в диссертации, автор отнес: а) причинение лицу вреда преступлением; б) признание лица в качестве потерпевшего компетентным должностным лицом или органом государства.

В диссертации рассмотрены условия дееспособности потерпевшего: 1) возраст; 2) психическое здоровье; 3) физическое состояние. Автор считает, что в зависимости от наличия этих условий потерпевший может быть признан следователем или судом дееспособным, ограниченно дееспособным или недееспособным, о чем должно быть вынесено специальное постановление (определение). Автор диссертации обосновывает предложение о необходимости обязательного представительства недееспособных и ограниченно дееспособных потерпевших.

С позиций правосубъектности анализируются точки зрения по вопросу о признании лица потерпевшим при покушении на преступление или приготовление к нему, если лицу не причинено реального вреда. Обосновывается мнение, что отказ от признания потерпевшим лица, на интересы которого покушался преступник, но не довел преступление до конца по независящим от него причинам, не будет способствовать достижению задач уголовного процесса.

Автор считает не основанной на законе и ошибочной точку зрения, согласно которой признание лица потерпевшим от преступления ставится в зависимость от наличия у него дееспособности. Считать, что для признания потерпевшим необходима дееспособность - значит искусственно сужать понятие потерпевшего и ограничивать возможность пострадавших от преступления лиц защищать свои права в уголовном судопроизводстве с помощью представителей.

В работе исследуются психологические и медицинские критерии признания дееспособности потерпевших в зависимости от их возраста и состояния здоровья.

По возрастному критерию автор делит потерпевших на три категории: а) полностью недееспособных (малолетние); б) ограниченно дееспособных (от 14 до 18 лет) с возможностью предоставления в отдельных случаях полной дееспособности в возрасте от 16 до 18 лет; в) полностью дееспособных (с 18 лет).

В постановлении (определении) о признании потерпевшего ограниченно дееспособным должно быть указано, какие именно правомочия потерпевший может осуществлять самостоятельно. По мнению автора, перед экспертом-психологом (психиатром) можно ставить вопрос, лишила ли потерпевшего психическая паталогия способности осуществлять свои правомочия (их часть) на предварительном следствии и в суде.

В диссертации показан специфический характер правосубъектности других участников процесса: гражданского истца и гражданского ответчика, защитника, представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, общественного обвинителя и общественного защитника, свидетеля, эксперта, специалиста, понятого, секретаря судебного заседания, переводчика. В частности, диссертант отмечает, что общая правосубъектность защитника-адвоката наступает со времени его избрания в коллегия адвокатов, а специальная - после фактической явки к следователю (в суд) и предъявления ордера на ведение дела.

Говоря о допуске к участию в процессе общественного обвинителя и общественного защитника, автор обращает внимание на то, что этот вопрос по-разному решен в УПК союзных республик. В диссертации приводятся аргументы в пользу допуска представителей общественности в стадии предания суду единоличным решением судьи. Диссертант предлагает дополнить Основы уголовного судопроизводства нормой об отводе общественного обвинителя и общественного защитника.

Правосубъектность экспертов связывается с наличием таких условий, как: 1) обладание специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле; 2) привлечением лица к участию в деле процессуальным решением компетентного лица (органа), ведущего процесс.

В диссертации подвергнуты анализу ситуации, когда руководитель экспертного учреждения самостоятельно привлекает для производства экспертизы специалистов, не работающих в данном учреждении. По мнению автора, такие специалисты неспособны по данному уголовному делу.

Диссертантом отстаивается мнение о том, что не только "ведущий" эксперт, но и "узкие" специалисты правосубъектны при проведении комплексной экспертизы. С позиций уголовно-процессуальной правосубъектности в работе обосновывается мнение о возможности приглашения в качестве экспертов иностранных граждан.

При рассмотрении правосубъектности секретаря судебного заседания отмечается возможность его замены в судебном процессе по данному уголовному делу.

Весь институт процессуальной право- и дееспособности должен быть урегулирован в законе. Автор диссертации попытался дать теоретическое обоснование этого института и сформулировать рекомендации для законодателя.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Об уголовно-процессуальной правосубъектности. - В кн. : Суд и применение закона. М., 1982, с. 80-85.
2. Правоспособность народных заседателей в уголовном процессе. - Сов. юстиция, 1983, № 15, с. 32.
3. Дееспособность потерпевшего от преступления. - Соц. законность, 1983, № 12, с. 48.
4. О правоспособности в советском уголовном процессе. - Проблемы правопедания: Респ. научн. сборник. Киев, 1984, вып. № 45, с. 81-86.

